

А. ЕЛАГИНА

СЛАВНЫЙ ОХОТНИК ЛАУРИКАДЖ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“, МОСКВА - 1985

Знаете ли вы, ребята, кто такие саамы и где они живут?
Саамы — это небольшая народность на севере нашей страны, на
Кольском полуострове.

С незапамятных времён занимаются саамы охотой и рыбной
ловлей, разводят домашних оленей.

Легенды, предания, сказки, на протяжении веков сложенные
саамами, интересны и поэтичны. По мотивам саамского фолькло-
ра написана эта книжка, которая познакомит вас с героем саам-
ского народа славным охотником Лаурикаджем.

А. ЕЛАГИНА

Рисунки
Р. Овчинникова

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“, МОСКВА • 1982

О ЛЮДЯХ, ПОМНЯЩИХ ДОБРО

ЛАУРИКАДЖ И МОЛОДОЙ ОХОТНИК

ил в прежние времена на северной саамской земле охотник по имени Лаурикадж. Знал он, где какой зверь таится, где какая рыба водится, знал каждое дерево в тёмном лесу, каждую тропу в широкой тундре. «Всем охотникам охотник», — говорили о нём саамы, потому что не было среди них лучшего охотника, чем Лаурикадж.

Вот раз приходит к Лаурикаджу молодой саам. Голову на грудь опустил, плачет:

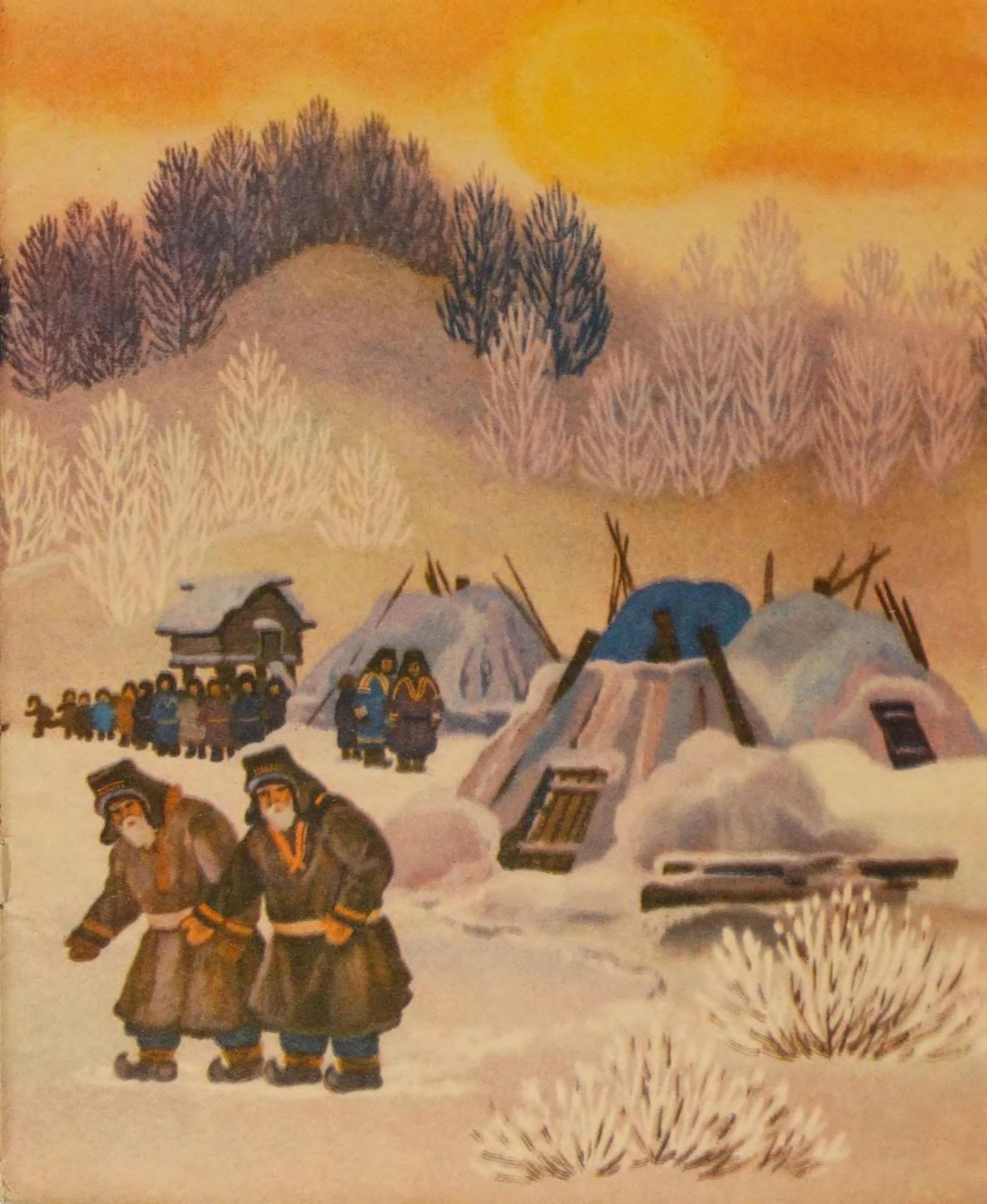
— Совсем плохая охота стала. Все стрелы я извёл, всю еду съел, а зверя не добыл. Как жить буду? Чем детей кормить буду? Помоги, славный охотник Лаурикадж!

Пожалел Лаурикадж молодого охотника, говорит:

— Иди ко мне в товарищи. Вместе охотиться будем. Пополам всё станем делить — и еду, и охотничий припас, и убитого зверя: одного тебе, другого мне. Вдвоём многое добудем.

Обрадовался молодой охотник. Пошли. Видят: белки с ветки на ветку скачут — добрая добыча для тех, у кого зоркий глаз, твёрдая рука. Лаурикадж стрелу за стрелой пускает,

бьёт белку без промаха. А молодой охотник ходит за ним по пятам, добычу подбирает, Лаурикаджа попрекает:

— Больно мелкую белку бьёшь! Крупную бей!

Солнце по небу путь окончило, вечер настал. Говорит молодой охотник Лаурикаджу:

— Дров принеси, костёр разожги, а то я умаялся — весь день спину гнул, за тобой белок подбирал.

Ничего не сказал Лаурикадж, притащил сухую ёлку, костёр разжёг, мясо сварил, поровну с молодым охотником разделил. Поели они и спать легли.

И назавтра весь день охотились — Лаурикадж зверя бил, молодой охотник добычу с земли подбирал, Лаурикаджа укорял. Далеко в лес зашли, много зверя добыли — у каждого сумакиса полным-полна. Пора домой возвращаться.

Да только собрались — потемнело небо, засвистали ветры, пурга разыгралась. За снегом леса не видно, только слышно — ёлки, как люди, стонут.

Идут охотники, ветер их по лесу кружит, мороз руки-ноги леденит. Выбились они из сил, не знают, куда идти.

— Только слава о тебе, что ты всем охотникам охотник, — говорит Лаурикаджу его товарищ, — пути в лесу не можешь найти!

Лаурикадж и сам удивился: всё в этом лесу неведомо ему, незнакомо. Говорит он молодому охотнику:

— Посиди под ёлкой, дух переведи. Оставлю я тебе всю еду, лук свой и кису со зверем, а сам налегке пойду. Может, берлогу пустую медвежью найду, чтобы нам от пурги укрыться. Смотри только, без меня никуда не ходи, не то пропадёшь!

Пошёл Лаурикадж сквозь пургу, дороги не нашёл, а упёрся грудью в крутую скалу. Обошёл скалу — что такое? Снег не сечёт, ветры не свищут — солнце светит. Стоят друг возле дружки вежи¹ — дымком из очагов тянет, собаки бегают, детишки с ледяной горки катаются.

Тут вышли из большой вежи два старика, зовут к себе Лаурикаджа с почётом:

¹ Вежа — жилище саамов из жердей, обложенных ветвями и сухой травой.

— Иди к нашему очагу, славный охотник Лаурикадж, добрый человек. Мы тебя давно ждём.

Положил Лаурикадж руку на сердце, поклонился старикам, говорит:

— Не могу. Я в лесу товарища оставил, как бы он не замёрз. Схожу за ним.

— Что ж, — говорят старики. — Сходи, сходи. Мы подождём.

Двинулся Лаурикадж в обратный путь, обогнул скалу, а там по-прежнему пурга воет, ветер с ног валит. Добрался Лаурикадж до ёлки, где оставил товарища, — нет там никого. Не знал того Лаурикадж, что отдохнул молодой охотник, вяленой оленины наелся, взвалил одну кису на правое плечо, другую — на левое, взял один лук в правую руку, другой — в левую, мешок с едой к поясу привязал и сказал себе:

— Была у меня одна киса со зверем — две будут, был один лук — два будет, была еда, для двоих — для одного будет. Теперь мне пурга не страшна, Лаурикадж не нужен. Сразу богатым стану.

И пошёл.

А Лаурикадж искал его, искал, голос подавал, снег руками разгребал — пропал молодой охотник, будто его и не было.

Вернулся Лаурикадж к скале, обошёл её и видит: лежит у самой вежи молодой охотник мёртвый, обледенелый. На плечах у него две кисы со зверем, в руках два лука, на поясе мешок с едой. А рядом с ним — оба старика стоят.

Спрашивает у них Лаурикадж:

— Как же так? Он скалу обошёл и к веже подошёл, а у самого порога замёрз? Неужто он ни вас, ни веж, ни солнца не видел?

Отвечают старики Лаурикаджу:

— Не дано ему было видеть ни нас, ни вежи наши, ни наше солнце. Для него пурга выла, мороз ему сердце леденил. А чтобы ты знал почему, расскажем мы тебе быль-ловту.

Взяли старики Лаурикаджа под руки, повели в вежу, подле очага усадили. И начал один из стариков свой рассказ.

Вот и ты послушай, что он рассказал Лаурикаджу.

ОЛЛИЙ И РЫДЛАСТ

ил на одном острове охотник с молодой женой. Было у них два маленьких сына: старший — Оллий, младший — Рыдласт. Вот как-то раз сели отец с матерью в лодку, переправились через озеро и пошли в лес, на охоту. Пошли и не вернулись.

В тот день к ночи буря на озере поднялась, большая волна взыграла. Ждали Оллий и Рыдласт отца с матерью день, ждали второй, ждали третий, весь хлеб, всё мясо, всю рыбу съели — есть больше нечего. А на четвёртый день подплыла к острову лодка вверх дном перевёрнутая. Поняли тогда братья, что утонули в бурю их отец с матерью. Горько заплакали и стали думать: что делать? Как дальше жить?

Говорит Оллий Рыдласту:

- Пойдём, Рыдласт, добрых людей искать!
- Пойдём!

Перевернули они лодку, переправились на лесной берег и пошли. Вдруг видят — дымок вьётся, вежа стоит. Подошли они к веже, тихонько в неё заглянули, видят: женщина сидит, дитя в люльке качает.

Говорят ей братья:

— Наши отец-мать умерли, возьмите нас к себе жить!

Приняла их женщина, напоила, накормила, спать уложила.

Утром встала, спрашивает:

— Ну, а что вы, ребята, делать умеете?

Испугались братья, что женщина их прогонит, и говорят:

— Всё умеем. И люльку качать, и хлебы печь, и куропаток щипать, и маленькую купать.

— Вот какие хорошие работнички мне попались, — обрадовалась женщина. — Ну, делайте, что умеете, а я пойду в лес за дровами.

И ушла.

Стал Рыдласт люльку качать, стал Оллий куропаток щипать. Летит пух по всей веже, в глаза, в нос забивается — кричит маленькая в люльке.

Тут вода в котле закипела. Говорит Рыдласт:

— Давай дитя купать! Только как?

— Наверное, надо в котёл окунать.

Схватил Рыдласт маленькую, несёт к котлу. А тут квашня запыхтела, тесто через край полезло.

— Смотри, тесто бежит! — кричит Оллий.

Стал Рыдласт тесто уминать, в квашню маленькую уронил. А Оллий котёл тащит, да горячо, не удержал, всю воду в огонь пролил. Погас очаг, дым столбом стоит. Облепило тесто маленькую, тепло ей стало, она и заснула. Глянул на неё Рыдласт, видит — глаза закрыты, испугался да как закричит:

— Нийди-йя май! Девчонка померла! Что делать будем?

— Бежим! — закричал Оллий.

Выскочили братья из вежи и припустились бежать куда глаза глядят.

Вернулась мать с дровами, увидала, что в веже творится, вынула дочку из теста, вымыла, всё в доме прибрала, очаг разожгла, куропаток сварила и стала ребят дожидаться.

А они так и не пришли. В память о том, что девочка в тесте спала, назвала женщина дочку Лейпенийди, что значит — девочка из хлеба.

Долго кружили Оллий и Рыдласт по лесу, озёра обходили,

речки переплывали, одной ягодой морошкой кормились — нигде людей не нашли. Тут встала на их пути высокая гора. Делать нечего, надо на гору подниматься. Чем выше они взирались, тем выше гора становилась. А как взошли на её вершину, подхватили их сильные ветры и опустили на нездешнюю низкую землю. Видят братья — под горой озеро, а над озером, на каменных столбах, клетки висят. В клетках звери, птицы и рыбы сидят. Ходит меж клеток Сухая Жердина, еду разносит, со всеми по-человечьи разговаривает.

Оробели братья, спрашивают:

— Кто же вы такие будете?

— Мы ненасытной ведьмы Выгахке подневольные, — отвечает Сухая Жердина. — Это её гора, она в ней живёт. День-деньской рыщет Выгахке по свету, людей хватает. Кого сразу сожрёт, кого в горе запрёт, велит золото для неё добывать. Непокорных в клетки сажает. Зачем вы только пришли сюда на свою погибель?

Заплакали Оллий и Рыдласт, говорят:

— Сироты мы, никого у нас на свете нету. Ходим по земле, добрых людей ищем. Что нам теперь делать?

Пожалела их Сухая Жердина:

— Не бойтесь, — говорит, — не дам вас в обиду. Хоть Выгахке и сильнее меня, но я тоже многое знаю. Пойдёмте.

Тут загудело, засвистело, тьма наступила — на вершине горы Выгахке появилась. Сухая Жердина поскорее братьев в черепки обратила и в сундук спрятала, а сама пошла встречать Выгахке.

Фыркает Выгахке, чихает, длинным носом вертит, через плечо плюёт и бранится:

— Фу-фу-фу! Человечьим духом пахнет. Кто-то есть тут! Подать мне его сюда!

Говорит Сухая Жердина:

— Ты, Выгахке, низко над землёй летала, вот и набралась человечьего духу, он у тебя в носу щекочет. Ты пойди лучше ляг, отдохни, усни. Я тебе постель приготовлю.

Постелила Сухая Жердина оленьи шкуры, горб Выгахке медвежьим салом смазала, шерсть на теле костяным гребнем

расчесала, спать уложила. Спит Выгахке, храпит — гора дрожит.

Тут вынула Сухая Жердина черепки из сундука, дунула, плонула, и встали перед ней Оллий и Рыдласт.

Спрашивает она у них:

— Ну, что вы, ребята, умеете делать?

Отвечают ей братья:

— По совести тебе скажем — ничего ещё не умеем.

Тут ударилась Сухая Жердина о землю и обратилась в Серую Волчицу. Говорит Волчица Оллию и Рыдласту:

— Обучу я вас, ребята, охоте!

Стала Серая Волчица учить братьев среди камней хорониться, в еловые ветки рядиться, с подветренной стороны к зверю подползать. Стала учить, как на спину дикому оленю бросаться, за рога хватать, на землю валить.

Много зверя добыли Оллий с Рыдластом. Похвалила братьев Серая Волчица и тут же о землю ударились — в Рыбу-Щуку обратилась.

Говорит Рыба-Щука Оллию и Рыдласту:

— Научу я вас теперь, ребята, рыбу ловить!

Нырнула в озеро Рыба-Щука, братьев хвостом за собой поманила. Поплыли они за нею. Стала Рыба-Щука братьев учить в тину зарываться, в камышах таиться, ждать, когда рыба мимо поплынет, и молнией на неё бросаться. Стала учить, как сеть в озеро опускать и полную рыбы вытаскивать. Наловили Оллий и Рыдласт рыбы, Щуке принесли. Похвалила их Рыба-Щука, ударилась о землю, снова Сухой Жердиной стала. Наварила она один котёл полный мяса, другой полный рыбы, ребят накормила и снова их в черепки обратила.

Лежат они в сундуке и слышат: проснулась Выгахке, стучит по котлам копытом:

— Го-го-го! Сухая Жердина! Есть хочу!

Подала ей Сухая Жердина оленьего мяса, та ест и нахваливает:

— Хорошее мясо, человечьим духом пахнет!

— Это среди диких оленей один домашний попался! —

говорит ей Сухая Жердина. — От него человечьим духом тянет.

Принесла тут Сухая Жердина Выгахке рыбы. Та ест и нахваливает:

— Хорошая рыба, человечьим духом пахнет!

— Это, — говорит ей Сухая Жердина, — рыбак рыбу ловил, а я у него улов отняла. Потому от рыбы человечьим духом тянет.

Съела всё варево Выгахке, оба котла длинным языком вылизала, загоготала, засвистела, вихрем вверх взвилась и полетела за добычей.

Вынула тогда Сухая Жердина черепки из сундука, дунула, плонула, обратила их в Оллия и Рыдласта и говорит:

— Кончилось, ребята, ваше ученье. Большие вы стали. Бегите отсюда, пока Выгахке не воротилась.

Посмотрели братья друг на друга — они думали, три дня прошло, а прошло три раза по три года. Выросли они, парнями стали.

Говорит старший из братьев Оллий:

— Как же мы тебя, Сухая Жердина, тут оставим? Ты нас от смерти спасла, от Выгахке выручила. Ты нас всему обучила — и охоте и рыбной ловле. Бежим с нами, будешь нам сестрою, а захочешь — мою женою.

Только сказал так Оллий, видит: стоит перед ним девушка пригожая, как ягода морошка.

— Была я, — говорит, — девицей по имени Разиайке. Схватила меня Выгахке, в каменную гору посадила. Только не стала я для неё золото добывать. Тогда обратила она меня в Сухую Жердину до той поры, пока не придёт человек и не возьмёт меня в жёны. Согласна я, Оллий, быть твою женою. Убегу я отсюда вместе с тобой и Рыдластом.

И пошли они все вместе по нездешней земле к высокой горе. По крутым склонам ползли, на вершины забирались, через реки переплывали. Наконец пришли на родную саамскую землю.

Выбрали они в лесу возле озера поляну, начали ставить вежи. Тут запечалился Рыдласт, говорит старшему брату:

— Помнишь, Оллий, ту женщину, что пустила нас в свою вежу, напоила, накормила и спать уложила? Чем же мы ей за добро отплатили? Дочку её в тесте утопили. Старая она теперь, худо ей одной. Пойду я к ней жить, буду её поить, кормить.

— И я с тобой пойду! — говорит Оллий.

— И я! — говорит Разиайке.

И пошли они ту вежу искать. Нашли. Выходит к ним на встречу старая женщина и говорит:

— Заходите, гости дорогие, садитесь к очагу, сейчас оленина сварится.

Вошли они, сели, спрашивает Рыдласт:

— А кто же та девушка, пригожая да ладная, что у очага сидит?

— Это дочь моя Лейпенийди! — отвечает старая женщина. — Оттого она такая ладная, что в тесте маленькая спала.

Обрадовался Рыдласт, что жива осталась та маленькая, говорит:

— Это я тебя в тесто уронил! Пойдёшь за меня замуж, Лейпенийди?

Тут узнала старая женщина братьев, не нарадуется:

— Много лет мы вас ждали, — говорит, — наконец-то дождались!

А Лейпенийди тихонько Рыдласту шепчет:

— Пойду я за тебя замуж!

Остался Рыдласт в тех местах жить, а с ним Оллий и Разиайке. Поставили они вежи, стали рыбу в озере ловить, зверя промышлять, на диких оленей охотиться. Хорошо стали жить. Пошли от них дети, а там — внуки и правнуки...

Закончил старик ловту, спрашивает Лаурикаджа:

— Слыхал ли ты прежде про братьев Оллия и Рыдласта?

— Маленьким был — слыхал. Ещё отец отца моего мне рассказывал.

— Вот мы и есть: я — Оллий, а он — Рыдласт!

Сильно удивился Лаурикадж:

— Так то же в стародавние времена было! Разве вы ещё живы?

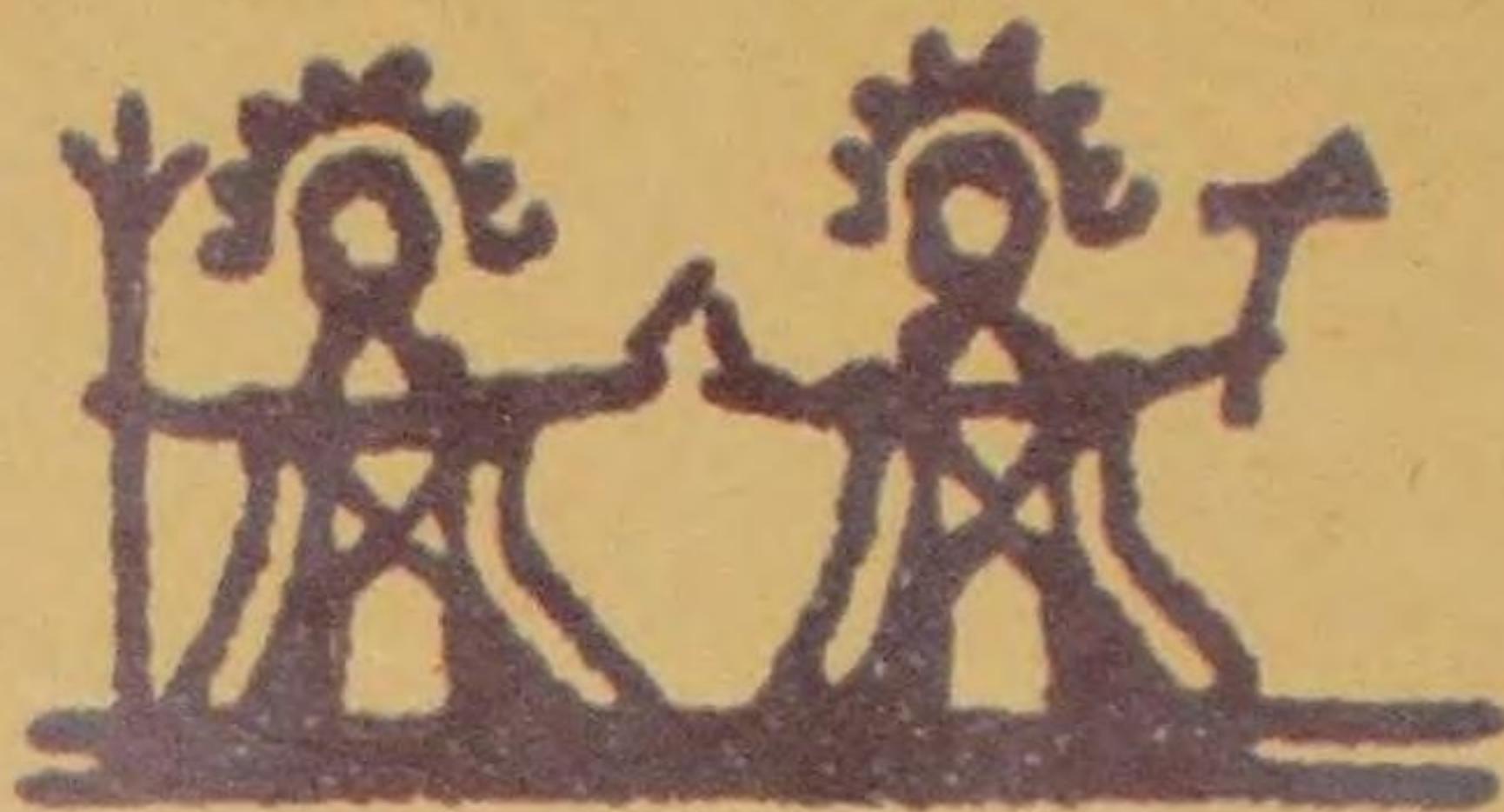
— Мы всегда будем живы, пока люди на свете есть! Но видят нас только люди, помнящие добро. Кто не помнит добра, зло с собою несёт, тот никогда не увидит нас, мимо пройдёт, рядом пропадёт. Так и товарищ твой.

Похоронил Лаурикадж молодого охотника, домой собрался. Просят его Оллий и Рыдласт с ними остаться жить.

— Нет, — говорит, — пойду отнесу кису со зверем детям своего товарища. Пойду людям про вас расскажу.

Ушёл Лаурикадж. Много лет с тех пор прожил славный охотник, много добра людям сделал и всем про Оллия и Рыдласта рассказывал.

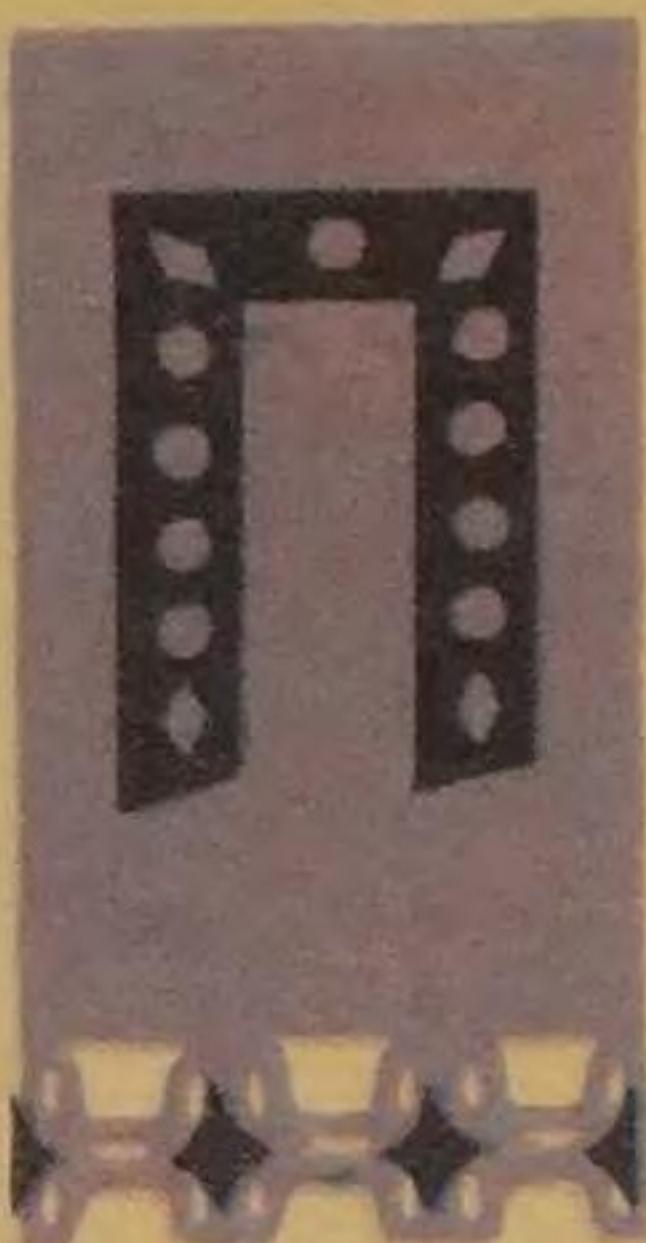
А люди про Лаурикаджа друг другу рассказывали. А про того охотника, что добра не помнил, никто хорошего слова не сказал. Даже имя его саамы забыли.

ЛАУРИКАДЖ И ТАЛА-МЕДВЕДЬ

ришёл к саамам из дальних земель Тала-Медведь, принял человечье обличье и говорит:

— Вы меня, саамы, не бойтесь. Я теперь не Тала-Медведь, я теперь Тала-купец.

— Ладно, — говорят ему, — купец так купец. А чем торгуешь?

— Вот полные сани вам товаров привёз: копья — оленей добывать, топоры — лес рубить, котлы — варево варить.

Обрадовались саамы-охотники, спрашивают:

— А почём продаёшь?

— Задаром отдаю. Только такой уговор: кто оленя убьёт — мне половину несёт, кто срубит лесину — мне тащит половину, кто варево сварит — мне половину оставит. Так три года. А три года пройдут — копья, топоры, котлы все ваши будут.

Призадумались охотники: ох, и хитёр Тала-купец! Задаром отдаёт, да сильно дорого берёт. А что поделаешь? Без копья оленя не убьёшь, без топора дерево не срубишь, без котла варево не сваришь. Твоя сила, Тала-купец!

Разобрали охотники у Талы товар и откочевали в тундру диких оленей добывать. Что ни день — везут Тале кто оленем шкуру, кто оленем тушу, кто дрова, кто варево из котла. А больше всех возит славный охотник Лаурикадж. У него Копьё дальше всех летит, у него Топор шибче всех рубит, у него Котёл лучше всех варит.

Вот прошёл год, другой миновал.

Тала-купец себе избу из брёвен возвёл, полы в избе оленьими шкурами застелил, у него в амбаре мясо на крюках висит, у него варево не переводится.

А саамы-охотники жён-детей накормят, собакам остаточки бросят, сами не допьют, не доедят, впроголодь живут.

Вот и третий год миновал. Пришли охотники к Тале-купцу говорят:

— Вышел нашему уговору срок. Ничего тебе, Тала, больше не будем возить.

Разъярился Тала, по-медвежьи взревел:

— Ещё три года возить будете! Не то все копья, топоры да котлы у вас отберу!

Испугались саамы — и впрямь отберёт. Снова стали Тале половину добычи возить.

Только славный охотник Лаурикадж против Талы-купца пошёл. Он оленя убьёт — целиком домой несёт, ёлку срубит — к своей веже тащит, варево варит — сам ест, жену-детей досыта кормит, собакам остаточки даёт.

Ещё пуще взъярился Тала-купец, прибежал к Лаурикаджу, схватил Копьё, Топор и Котёл и домой к себе уволок.

Будешь знать, Лаурикадж, как против Талы-купца идти!

Что Лаурикаджу делать? Сложил он пожитки в сани и откочевал к дальнему озеру. Вежу поставил, в озеро сети закинул, рыбы наловил, сам поел, жену-детей накормил, собакам остаточки бросил. Славный охотник, добрый рыбак нигде не пропадёт.

А Копьё, Топор и Котёл лежат у Талы в амбаре, ведут меж собой разговор на своём, на железном да на медном, языке.

— Скоро ли наш хозяин на охоту пойдёт? Не терпится мне оленя добыть! — звенит Копьё.

— Скоро ли наш хозяин в лес пойдёт? Не терпится мне дерево срубить! — стучит Топор.

— Скоро ли наш хозяин воды в меня нальёт, огонь разожжёт? Не терпится мне варево сварить! — гудит Котёл.

А Тале-купцу ни к чему на охоту ходить, лес рубить, варево варить — ему всё готовое несут.

Лежали Копьё, Топор и Котёл в амбаре не день, не два, а целый год. От безделья заржавело Копьё, затупился Топор, в Котле паутина завелась.

— Ой, худо мне! — дребезжит Копьё. — То ли было у славного охотника Лаурикаджа. Навострит он меня, салом смажет, на охоту возьмёт, и лечу я светлой молнией прямо в цель.

— Ох, худо мне! — стучит Топор. — То ли было у славного охотника Лаурикаджа. Наточит он меня, в лес возьмёт, и сверкаю я меж ёлок, как месяц ясный.

— Ой, худо мне! — стонет Котёл. — То ли было у славного охотника Лаурикаджа. Вымоет он меня, почистит, над огнём с варевом повесит — жарким солнцем горю я посреди вежи. А теперь плохое наше житьё, братья! Что делать будем?

— Бежать надо отсюда к Лаурикаджу! — звякнуло Копьё.

— Бежать! — тюкнул Топор.

— Бежать! — прогудел Котёл.

Метнулось в оконце Копьё, выскоцил за ним Топор, вытащили они Котёл и убежали с Талиного двора.

Долго бродили они по лесам и тундре, наконец пришли к тому месту, где стояла раньше вежа Лаурикаджа. Но нет тут славного охотника, ушёл Лаурикадж неведомо куда.

— Что ж, братья, придётся нам одним жить! — зазвенело Копьё. — Я буду на охоту ходить.

— А я буду лес рубить! — тюкнул Топор.

— А я варево варить! — прогудел Котёл.

Дальше пошли. Вдруг увидело Копьё — дикие олени пасутся. Взметнулось оно, полетело и вонзилось в бок оленю-быку. Упал олень. Зазвенело Копьё во всю мочь:

— Дзинь-дзинь! Охотнички, бегите сюда. Неси, Топор, дрова! Тащи, Котёл, воду! А я мясо приготовлю.

Приготовило Копьё мясо, принёс Топор сушину, огонь развёл, принёс Котёл воду, над огнём повис.

Кипит Котёл, пыхтит, булькает, от него мясной дух по лесу идёт. А вокруг того места Тала-купец бродил. Учуял он мясной дух и пошёл на него.

Видит Котёл, Тала идёт, и запыхтел изо всех сил:

— Проснитесь, братья! Тала-купец на нас идёт!

Проснулось Копьё да как зазвенит:

— Схватит он нас, унесёт, в амбаре запрёт!

— Бежим, братья! — застучал Топор.

Поддело Копьё кусок мяса и припустилось бежать. Схватил Топор сушину в охапку и поскакал за Копьём. Соскочил Котёл с огня и бросился за ними вдогонку.

Увидал Тала-купец такое диво, со страха взревел и побежал что есть духу к своей избе. Засел в ней и дверь на замок закрыл.

А Копьё, Топор и Котёл бежали, бежали, пока сил хватило. С Копья мясо слетело, в болото угодило, Топор сушину потерял, Котёл варево расплескал. Сидят они кто на пне, кто на камне, кто на кочке, отдуваются, пот утирают.

Чуть слышно зазвенело Копьё:

— Худо, братья! Не житьё нам без человека, без славного охотника Лаурикаджа. Что делать будем?

— Пойдём его искать! — тюкнул Топор.

— Может, его у озера найдём? — всхлипнул Котёл.

Подошли они к большому озеру. Видят — вежа стоит, возле неё Лаурикадж сидит, сети чинит.

Увидал их Лаурикадж, обрадовался. Взял Копьё, навострил его, почистил, на охоту пошёл. Метнул Копьё в дикого оленя — полетело оно синей молнией прямо в цель.

Притащил Лаурикадж оленя домой, Копьё досуха вытер, салом смазал, в мох обернул, к стенке вежи поставил. Взял топор, почистил, наточил, в лес пошёл сушину рубить — ясным месяцем мелькает Топор меж ёлок.

Принёс Лаурикадж сушину домой, дрова расколол, вытер Топор, мхом обернул, к стенке вежи поставил.

Вымыл, почистил Лаурикадж Котёл, воды в него налил,

мясо положил, над огнём повесил. Жарким солнцем блестит Котёл посреди вежи.

А поспело варево, сел Лаурикадж у Котла, сам ест, жену-детей досыта кормит, собакам остаточки бросает, пока в кotle донышко не проглянулось.

Узнал Тала-купец про такие дела, из избы выскочил, сбросил с себя человечье обличье, снова медведем стал. Бежит к озеру, на весь лес ревёт:

— Вот я тебя, Лаурикадж, схвачу! Вот я тебя, Лаурикадж, задеру! Вот я тебя съем!

Вышел славный Лаурикадж из вежи, метнул в Талу-Медведя Копьё. Полетело оно синей молнией навстречу Тале. Ещё пуще взревел Тала, на Лаурикаджа наседает. Тогда поднял Лаурикадж над головой Топор и пошёл на Талу.

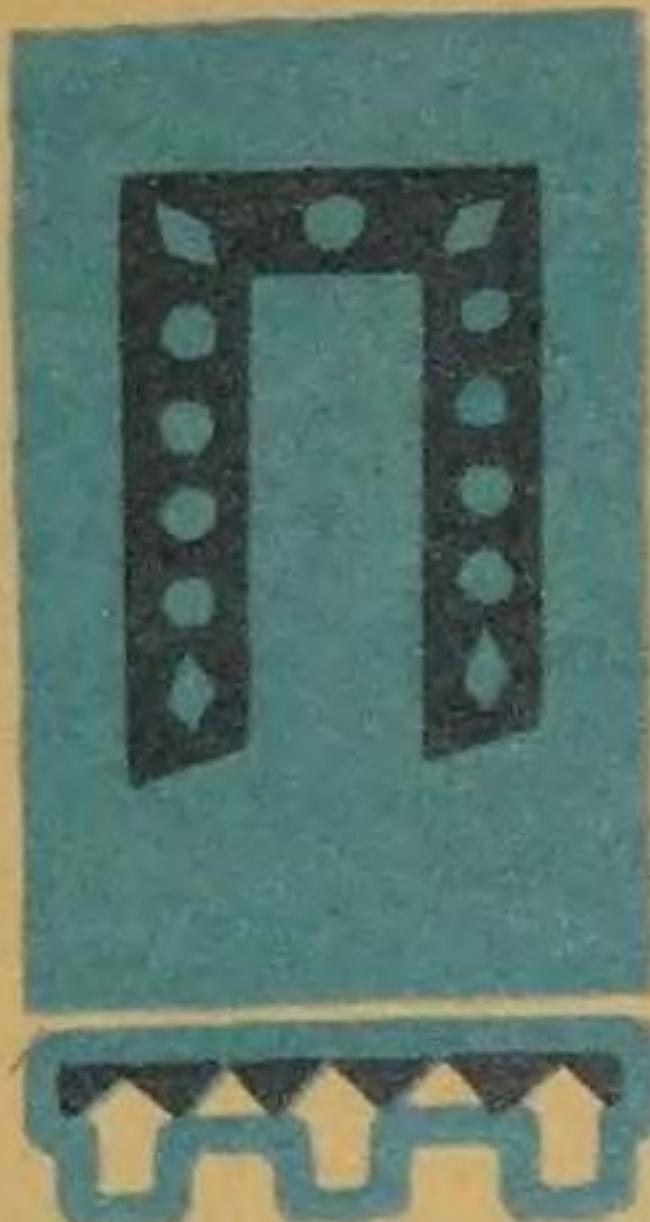
Понял Тала, что тут ему и конец придёт. Повернулся да как припустится от Лаурикаджа наутёк, только его в тех краях и видели.

КАК ЛАУРИКАДЖ СААМОВ СПАС

ошёл раз Лаурикадж на охоту. Шёл он шёл и вдруг видит: взвились над деревьями тучи воронов, с криком кружатся в поднебесье. Глянул Лаурикадж на землю — бегут по лесу в страхе звери большие и малые: белки и лисы, волки и куницы. Припал Лаурикадж ухом к земле, слышит: гудит земля от тяжёлой поступи.

Лёг Лаурикадж в мох, ужом прополз, ящеркой прокрался к лесной тропе и увидел: идут друг за другом чужеземцы в шлемах стальных, в латах железных, с мечами за поясом, с пищалими в руках. Идут, меж собой разговор ведут:

— Нам бы только саамов врасплох застать. Богатую добычу возьмём. Куда им против наших мечей да пищалей с их копьями да стрелами!

Лисой метнулся Лаурикадж по лесу, быстрее волка побежал от вежи к веже.

— Беда, братья! — кричит. — Пришли чужеземцы-чуди-
ны на нашу родную землю. Хотят бить, жечь и грабить са-
мов. Спасайте, братья, жён и детей, уносите добро своё, ухо-
дите подальше в чащу лесную. А я тех чудинов от вашего
следа отведу.

Поднялись саамы, собрали своё имущество и ушли с жё-
нами-детьми в лесные чащи. А Лаурикадж обогнал чужезем-
ное войско и впереди него то костёр разожжёт, то вежу сло-
жит, то оленью шкуру на шестах распялит, то беличьи шкурки
развесит — будто только что здесь саамы были. Идут чудины
по следу Лаурикаджа, а он их всё дальше и дальше от саамов
уводит. До того закружил по лесу, что не знают они, куда
идти.

Тут вдруг снег повалил, мороз удариł. Разожгли чужезем-
цы костры, сидят, греются, меж собой толкуют: как же им
выбраться из этого леса?

Явился тут Лаурикадж перед ними, говорит:

— Что ж, выведу вас из леса!

Обрадовались чудины, а предводитель их Чудьжерве
грозится:

— Смотри, обманешь, не быть тебе живу!

Засмеялся Лаурикадж, отвечает:

— Тогда здесь оставайтесь! А я пойду! — и побежал впе-
рёд на своих быстрых лыжах.

Потянулось за ним чужеземное войско, бредёт по глубо-
кому снегу. Вывел их Лаурикадж из леса в тундру, к тому
месту, где паслись его домашние олени, копытцами мох-ягель
из-под снега добывали.

Говорит Чудьжерве Лаурикаджу:

— Не нашли мы в лесу саамов, не нашли добычи. Веди
нас в саамский город Колу, там саамов будем жечь и грабить.

Лаурикадж ему отвечает:

— Вот пасутся мои олени. Запрягу я их в сани, повезу
vas в город Колу.

А сам иное задумал — отвезти чудинов на морской берег
и сбросить в пучину морскую. «Лучше, — думает, — оленей
загублю, сам погибну, а избавлю от чудинов саамскую землю».

Запряг Лаурикадж оленей в сани и связал те сани между собой в длинный поезд-райду. Пока вязал райду, вечер пришёл, ночь наступила. Темно. Зажёг Лаурикадж смолистую чурку, хочет свои сани спереди к райде привязать.

Да только поднял случайно голову и — обомлел: стоит перед ним олень с золотыми рогами, какого никогда он в жизни не видел, и говорит:

— Запряги меня, славный охотник. Только, смотри, свои сани к райде не привязывай!

Понял Лаурикадж, что пришёл ему на помощь сам Златорогий Олень, сын Солнца. Запряг его Лаурикадж, вскочил в сани, высоко над головой поднял горящую чурку, и помчал его Златорогий Олень быстрее вихря. А за ним, за путеводным огнём, понеслись все олени, вся райда.

Радуются чужеземцы, кричат и хохочут: скоро, скоро приедут они в город Кёлу, скоро будут жечь и грабить саамов. И не ведают того, что не в город Колу мчат их олени, а к крутым берегу морскому.

Вот уже шумит впереди море, вот уже коснулся олень Златорогий копытами обрыва. И, оттолкнувшись от крутого склона, высоко взмыл вместе с санями в небо. Бросил Лаурикадж горящую чурку в море.

Помчались олени за путеводным огнём и всей райдой рухнули в пучину морскую.

А Златорогий вихрем полетел над тундрой, трубным голосом весть подаёт саамам:

— Выходите, саамы! Нет больше чужеземного войска на земле Саамиедны!

Вышли саамы из болот, из лесной чащи, вывели жён своих и детей, вынесли своё добро. Радуются все и смеются, песни поют и пляшут.

Говорит им Олень Златорогий:

— Вот славный охотник Лаурикадж перед вами. Не жалел он жизни своей, погубил оленей своих, чтобы избавить от врагов родную саамскую землю. Так помните же о нём, саамы! Внукам внуков своих накажите, чтобы не забывали они Лаурикаджа!

Тут топнул Златорогий Олень копытом, и встало перед
Лаурикаджем всё его оленье стадо живым и невредимым.
А Златорогий Олень взмыл кверху, и увидели саамы — высо-
ко-высоко в ночном небе яркой звездой засверкали его зо-
лотые рога.

СОДЕРЖАНИЕ

О ЛЮДЯХ, ПОМНЯЩИХ ДОБРО	5
Лаурикадж и молодой охотник	5
Оллий и Рыдласт	11
ЛАУРИКАДЖ И ТАЛА-МЕДВЕДЬ	27
КАК ЛАУРИКАДЖ СААМОВ СПАС	37

45 к.

Для старшего дошкольного возраста

АННА ГРИГОРЬЕВНА ЕЛАГИНА

СЛАВНЫЙ ОХОТНИК ЛАУРИКАДЖ

По мотивам саамских сказок

Художник К. Овчинников

Редактор Л. Кузнецова. Художественный редактор Д. Пчёлкина. Технический редактор Е. Соколова. Корректор С. Бланкштейн.
Сдано в набор 24.10.79. Подписано в печать 23.07.81. 60×90 1/8. Бум. офс. № 1. Гарнитура «плентип». Печать офсет. Усл.-печ. л 5,5. Уч.-изд. л. 5,1
Тираж 150 000 экз. Изд. № 5411. Заказ № 122. Цена 45 коп. ОСТ 29.62-81. По оригиналам издательства «Малыш», Москва, К-55, Бутырский вал, 5
Министерство легкой промышленности РСФСР. Российское промышленное объединение по производству игрушек.
Московский комбинат игрушек. Москва, 125130, ул. Клары Цеткин, дом 28.

70801—384

Е М 102 (03) — без объявл.

Издательство «Малыш» 1981